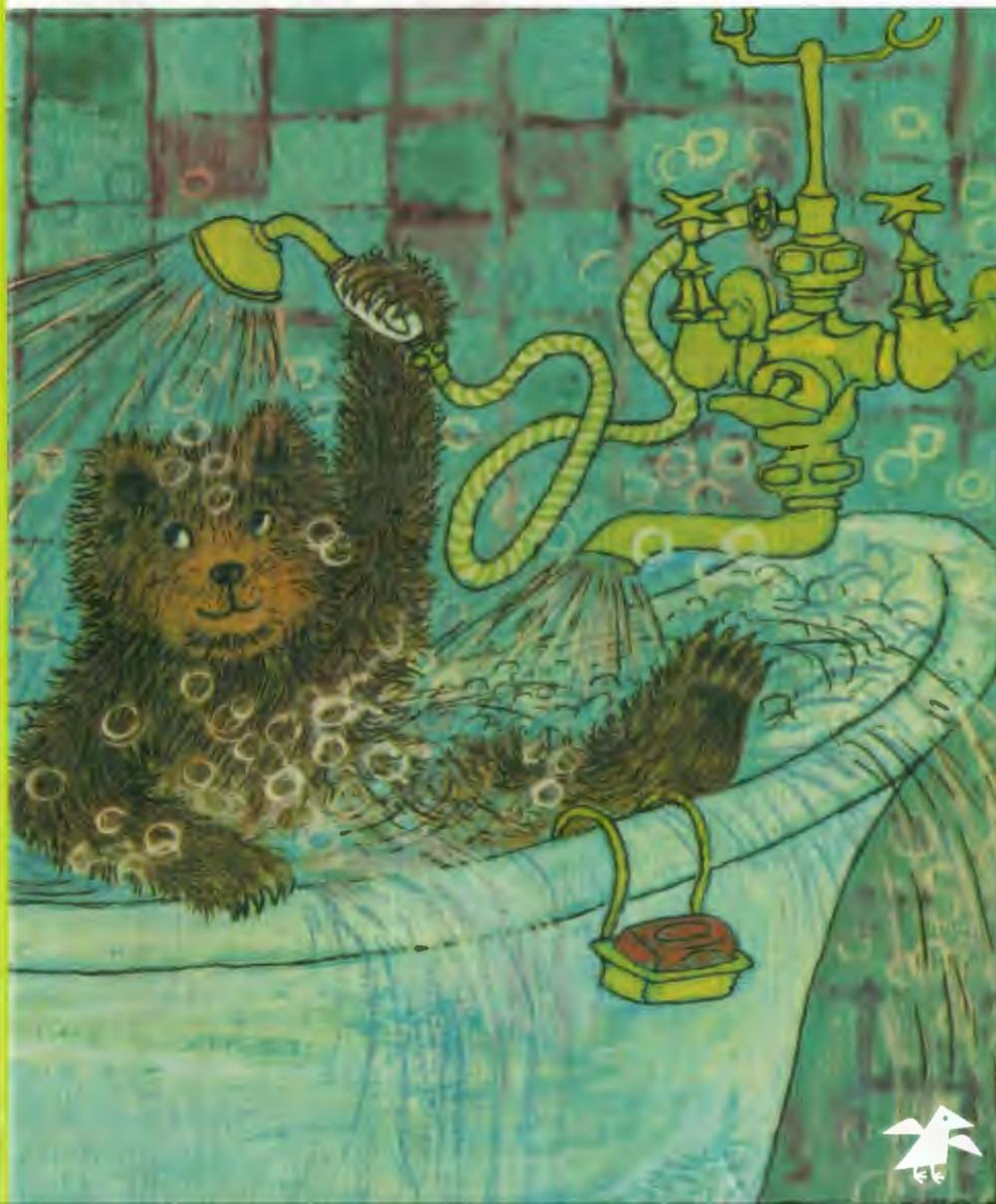

84(3)
K53

Йоста Кнутсон

Налле Лапсон

Йоста Кнутсон

Налле Лапсон

Иллюстратор

Эва Александрова-Леффертс

Перевод со шведского

Екатерины Чевкиной

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2019

ББК 82/821-93
УДК 84-4(4Шве)
К53

ISBN 978-5-00114-062-7

Text © Gösta Knutsson

Illustration © Eva Alexandrowa-Lefferts

First published by Bonnierförlagen AB

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Екатерина Чевкина, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

Содержание

Глава первая	
Мама, ты что, не слышишь, это же я, Налле Лапсон!	9
Глава вторая	
Глянь-ка, Карлсон, кто это там?	13
Глава третья	
Я генеральный директор!	18
Глава четвертая	
Дегенеральным ректором разит!	22
Глава пятая	
Я-то пока читать не умею	27
Глава шестая	
Зубной сорочкой и ночной щеткой кто-нибудь поделится	31
Глава седьмая	
Запрещается разгуливать по городу с живыми медведями	36
Глава восьмая	
А можно ему дать дедушкину ночную сорочку?	40

Глава девятая	
Куда подевался остальной лось?	44
Глава десятая	
Налле Лапсон никогда больше не будет купаться	48
Глава одиннадцатая	
Я пришел арестовать медведя	52
Глава двенадцатая	
Говорит участковый Лапсон	58
Глава тринадцатая	
Два, семнадцать, тридцать девять, двадцать десять, тысяча, восемнадцать	62
Глава четырнадцатая	
Видишь ли, я забыл очки	66
Глава пятнадцатая	
Это Налле Лапсон, я лигурирую транспарантом!	71
Глава шестнадцатая	
Вот это вот синее?	76
Глава семнадцатая	
Не будь я сле-есарь Филе-ен!	80

Глава восемнадцатая	
А ты уверена, что Андерсон их так уж хорошо посчитал?	85
Глава девятнадцатая	
Я чавкаю не больше, чем бабушка	90
Глава двадцатая	
Налле Лапсона напечатали в газете!	94
Глава двадцать первая	
Уважаемые жители и гости нашего города!	100
Глава двадцать вторая	
Я не то хотел сказать	105
Кто такой Налле Лапсон и за что его любят дети и взрослые?	110

Глава первая
Мама, ты что, не слышишь,
это же я, Налле Лапсон!

Весенним утром в самой чаще огромного леса проснулся медвежонок Налле Лапсон. Он проспал столько дней и ночей напролет, что и в самом деле пора было просыпаться.

Налле Лапсон сел и огляделся заспанными глазами-бусинками.

Где же мама?

— Мама! — крикнул он.

Никто не ответил.

— Странное дело, — огорчился Налле Лапсон. — Мама ведь обещала никуда не уходить, пока я сплю.

Налле Лапсон встал на задние лапы, вытянул шею и посмотрел по сторонам.

— Мама! — снова крикнул он. — Ты что, не слышишь, это же я, Налле Лапсон!

Однако мамы нигде не было, и никто не откликнулся.

Тут наверху зацокали, и из еловых веток высунулась беличья мордочка.

— Твоя мама ушла! — крикнула белка. — Уже несколько дней назад!

— Очень странно, — сказал Налле Лапсон и прищурился. — Она ведь точно обещала никуда не уходить. Может, за едой пошла?

— Далеко же эта еда, — съехидничала белка. — Потому что мама твоя ушла еще в четверг. Или, может, в пятницу.

— А сегодня у нас что? — спросил Налле Лапсон.

— Вторник. Или, может, среда, — ответила белка. — Юхан, мы сядем наконец завтракать или как?

— Что-что? — переспросил Налле Лапсон. — В смысле, вот это, последнее, это ты к чему?

— Я разговаривала с мужем, — отрезала белка. — Насчет завтрака. Нашего с ним.

— Ну ладно, — вздохнул Налле Лапсон и облизнул нос.

— Вот именно, — ответила белка.

— Мне по утрам ужас как хочется есть, — признался Налле Лапсон. — А ты не видела, в какую сторону мама ушла?

— Туда, — ответила белка и махнула пушистым хвостом. — Или туда, — она махнула хвостом в противоположную сторону и скрылась из глаз.

Налле Лапсон почесал в затылке.

— Все это очень и очень печально. Пожалуй, надо идти искать маму. Может, она не так и далеко ушла.

Поскольку белка показала в обе стороны сразу, он пошел в третью — ту, что между одной и другой.

Он шел и шел. Лес был огромный. Ели, громадные ели и ничего, кроме них.

Время от времени Налле Лапсон останавливался, вслушивался, а потом кричал:

— Мама! Мама! Ты что, не слышишь, это же я — Налле Лапсон!

Но только ели шумели ему в ответ.

Лапа за лапу, он брел и брел весь день напролет и страшно устал. И отчаянно проголодался. Чтобы немного утолить голод, он даже съел старую еловую шишку, но она оказалась такая невкусная!

Вскоре совсем стемнело. Измученный Налле Лапсон забрался в щель между двух замшелых валунов.

— Уж завтра-то я найду маму! — сказал он и уснул.

Глава вторая

Глянь-ка, Карлсон, кто это там?

Когда наутро несчастный сонный Налле Лапсон проснулся, солнце стояло уже высоко.

Он протер глаза, зевнул и побрел дальше.

«Куда-нибудь я точно приду, — думал он. — Во дворец Горного короля, про которого мне мама читала сказки, или в Бастутрэск, или в Сóbес, или еще в какое-никакое приличное место».

Налле Лапсон брел и брел, лапа за лапу. Вдруг лес кончился.

Впереди стоял длинный ряд вагонов. Это был поезд, он направлялся в Стокгольм из Северного Норланда, но остановился на путях из-за какой-то неисправности.

Налле Лапсон еще никогда не видел поезда и очень заинтересовался. В вагонах были окошки, а за ними виднелись какие-то существа.

— Должно быть, люди, — решил Налле Лапсон. — Мама про них рассказывала, говорила, что их надо остерегаться. Люди только и знают, что скандалить и устраивать неприятности. Никакой культуры, не то что у нас, у медведей.

Что такое культура, Налле Лапсон представлял плохо. Возможно, морда, потому что у людей в окошках морд определенно не было. Спереди головы у них имелось что-то совсем другое.

— На мой взгляд, не такие уж они опасные, — сказал сам себе Налле Лапсон, — а возможно, там удастся раздобыть еды. Заберусь-ка я в вагон.

Сказано — сделано. Налле Лапсон не без труда открыл одну из вагонных

дверей и влез внутрь. И едва он ступил на площадку тамбура, как поезд тронулся с места. Видимо, неисправность удалось исправить.

Ну и помчался же этот поезд! Как быстро! «Ух ты, — подумал Налле Лапсон, — до чего здорово!» Когда мама рассказывает сказки, это тоже, конечно, здорово, но с теперешним здоровом просто никакого сравнения!

«Сейчас бы и перекусить, — подумал Налле Лапсон. — Наверняка тут есть и мед, в этом сооружении, иначе зачем его было сооружать».

Налле Лапсон пошел по коридору и заглянул в первое купе.

Там сидели два дядьки и разговаривали. Точнее, говорил один. У него был красный нос и зеленая шляпа с пером. — Парень, — сказал он другому дядьке, — да что ты понимаешь в охоте! Я стрелял львов в Африке, я стрелял медведей в дебрях Лапландии. А знаешь, что важнее всего, когда охотишься на крупную дичь? Метко стрелять, конечно, но главное — выдержка. Парень, видел бы ты,

как я усмиряю их силой взгляда! Зверюга все ближе, ближе — а я стою не дрогнув. Властным взглядом я удерживаю его от нападения, и... что это там, глянь-ка, Ка... Карлс-с-сон, к-к-то это там.... СПАСИТЕ... ПОМОГИТЕ... ПО-МО-ГИ-ТЕ...

При виде Налле Лапсона храбрый охотник перепугался до смерти. Весь побелев (не считая носа, конечно), он задрожал и затрясся, и вдруг одним прыжком заскочил на багажную полку, свернулся там калачиком и натянул сверху пальто.

Налле Лапсон засмеялся — уж больно нелепое это было зрелище.

Другой дядька тоже, видимо, напугался как следует, но ограничился тем, что забился в угол купе.

— Извините за беспокойство, — сказал Налле Лапсон и пошел дальше.

Люди оказались один чудней другого. Едва они замечали Налле Лапсона, как вид у них делался испуганный и жалкий.

У всех, кроме девочки, которую он повстречал в коридоре.

Глава третья Я генеральный директор!

— Привет, — сказала девочка и протянула руку. — Ты кто?

У нее были добрые и веселые глаза и платье в белую и красную клетку.

— Привет, — ответил Налле Лапсон и протянул ей лапу. — Меня зовут Налле Лапсон, и я вообще-то ищу мою маму.

— А меня Лотта, — сказала девочка, — и я вообще-то еду одна.

— А это вообще-то что такое? — спросил Налле Лапсон.

— Ты о чем? — не поняла Лотта.

— Ну вот это, что едет и везет, — сказал Налле Лапсон. — Как оно называется?

— А, ты про поезд, — засмеялась Лотта. — Что ли никогда на поезде не ездил?

— Да что-то не припомню, — смутился Налле Лапсон. — Вообще-то я живу в лесу, а там поезда ходят не то чтобы часто.

— А твоя мама тоже едет на этом поезде? — спросила Лотта.

— Вряд ли, — сказал Налле Лапсон. — Я вообще не знаю, где она. Вроде бы пошла за едой для меня, да так и не вернулась. — И он зажмурил глаза.

— А я как раз иду в вагон-ресторан, — сказала Лотта.

— А что это? — спросил Налле Лапсон. — Его едят?

— Нет, это в нем едят, — объяснила Лотта. — Такой вагон, где дают еду. Пойдешь со мной? Вдвоем гораздо веселее!

— Еще бы! — обрадовался Налле Лапсон. — Я страшно проголодался.

И Налле Лапсон отправился вместе с Лоттой в вагон-ресторан.

За столиком на четверых уже сидело двое мужчин, очень разных. У одного был страшно важный вид и кислая физиономия, зато другой прямо сиял от радости.

— Простите, у вас свободно? — спросила Лотта и вежливо присела в книксене.

Кислый увидел Налле Лапсона и вздрогнул. А радостный просиял.

— Занято, — злобно прошипел кислый.

— Вот еще, — отозвался радостный. — Тут свободно как никогда. Усаживайтесь на здоровье!

Тут как раз подошел официант.

— Так здесь свободно или занято? — напрямик спросила Лотта.

— Вообще-то свободно, — ответил официант. — Только тут не положено, — он указал на Налле Лапсона.

— Значит, положено здесь. — И Налле Лапсон забрался на стул рядом с радостным мужчиной.

Лотта села напротив, рядом с кислым. — А неплохая компания подобралась, — обрадовался радостный и шевельнул ушами: у него это здорово получалось. — Не так ли, господин начальник?

— Я вам не начальник, — высокомерно процедил кислый. — Я генеральный директор.

— Как красиво! — восхищенно вздохнул Налле Лапсон.

— А я простой трубач, — сказал радостный. — Сыграть вам что-нибудь веселенькое?

Не дожидаясь ответа, он залез под стол, вытащил оттуда сверкающую золотом трубу и продудел на ней торжественные фанфары.

Глава четвертая

Дегенеральным ректором разит!

В ресторане началось столпотворение. Генеральный директор зажал руками уши, один коммивояжер опрокинул бокал с пивом, важная пожилая дама стала звать полицию, а толстый бакалейщик свалился со стула на пол и засучил ногами.

Примчался запыхавшийся официант.
— Это недопустимо, — выдохнул он. — Кто тут трубил? Медведь?
— Да, это он! — с жаром подтвердил генеральный директор.

Налле Лапсон поднял на него серьезные глаза. Ну зачем врать?

«Может, это и называется “никакой культуры”? — подумал он. — Когда говорят неправду?»

— Это я трубил! — признался радостный трубач. — Потому что мы тут все за столиком проголодались. И заждались еды.

Официант раздал всем по меню.

— Попрошу кислого молока, — с кислой миной попросил генеральный директор. — С корицей, сухариком и двумя корочками хлеба. Потом вареное яйцо, и чтобы варилось ровно четыре с половиной минуты и ни секундой больше или меньше. Большую чашку кофе, четыре куска сахара, сливки и сдобную булочку без крема.

«До чего это непросто — есть в вагоне-ресторане», — думал Налле Лапсон, вертя в лапах меню.

— Мне, пожалуйста, хлеб с маслом, яйцо и кофе, — сказал трубач и пошевелил ушами.

— Если можно, хлеб с маслом, яйцо и какао, — сказала Лотта.

— А вам что угодно, сударь? — спросил официант.

Налле Лапсон поднял на него глаза.

— Мне-то? — сказал он. — Так. А что у вас есть?

— Все стоит в меню, — ехидно заметил официант.

Бедный Налле Лапсон — он не умел читать! Лишь вертел меню туда-сюда и как раз теперь держал его вверх ногами.

— Ну-у, заказывать будем? — поторопил официант.

— МЕДА! — сказал Налле Лапсон.

— Его же нет в меню.

— Тогда один сухарик без крема, варить четыре с половиной минуты, — сказал Налле Лапсон.

Официант глянул на него свысока:

— Какой-нибудь напиток?

— ЧЕРНИЧНЫЙ КИСЕЛЬ, — сказал Налле Лапсон.

Наконец принесли заказ.

— Черничного киселя нет, — сообщил официант, — но я принес вместо него брусничного варенья, — если вас это, конечно, устроит.

Еще бы не устроило! Налле Лапсон в жизни не пробовал ничего вкуснее, чем сухарики с брусничным вареньем.

— Вагоны-рестораны — толковое сооружение, — заметил Налле Лапсон, повернувшись к генеральному директору.

Генеральный директор не ответил.

«Вот она, культура, — подумал Налле Лапсон. — Ничего, продолжим». И спросил:

— Ну как яйцо — вкусное?

Снова ни слова в ответ.

— У меня-то просто объедение! — сказал трубач.

— И у меня, — сказала Лотта.

— Официант, позвольте расплатиться, — сказал генеральный директор. — Тут до того медведем разит, что и лишней минуты находиться невозможно.

— Здесь что, надо платить? — шепнул Налле Лапсон Лотте.

— Конечно, — сказала Лотта. — Но ты не волнуйся, я за тебя заплачу.

— Официант, позвольте Лотте расплатиться! — закричал Налле Лапсон и зама- хал лапой. — Тут до того дегенеральным ректором разит, что и лишней минуты находиться невозможно.

Глава пятая

Я-то пока читать не умею

Налле Лапсон прошел с Лоттой в ее купе.

Тут появился кондуктор и начал проверять билеты. Увидев Налле Лапсона, он замер.

— А-а это еще кто? — спросил он чуть дрогнувшим голосом. — И откуда он тут взялся?

— У тебя же есть билет? — шепнула Лотта Налле Лапсону.

— Билет? — удивился Налле Лапсон. — А что это такое?

— Это же скандал! — сказал кондуктор. — Медведя следует высадить из поезда, и немедленно!

Налле Лапсон сощурившись поглядывал то на Лотту, то на кондуктора.

— Есть идея, — шепнула ему Лотта. — Тебе сколько лет?

— Думаю, год, — сказал Налле Лапсон. — Может, еще нет. Но, с другой стороны, почти есть.

— Послушайте, дяденька кондуктор, — сказала Лотта. — Если пассажиру меньше шести лет, разве он не имеет права ехать бесплатно?

— Хм, имеет, конечно, а как же, — сказал кондуктор.

— Так вот, — сказала Лотта. — Этому бедняжке всего годик. Вот так вот.

— Хм, ну тогда-то понятное дело. — Кондуктор почесал голову и вышел из купе.

— А тебе сколько лет? — спросил Налле Лапсон.

— Десять, — ответила Лотта.

— Такая старая!

— А куда ты, говоришь, едешь? — спросила Лотта.

Налле Лапсон загрустил.

— Точно не знаю, — сказал он. — Вообще-то я маму ищу, но не знаю, куда она направилась. Может, вообще в другую сторону.

В этот самый миг взгляд Лотты упал на заголовок в газете, лежавшей на диване в купе. Он гласил:

**КРУПНАЯ МЕДВЕДИЦА
ЗАСТРЕЛЕНА В ДВУХ МИЛЯХ
ОТ БАСТУТРЭСКА**

— Что это ты читаешь? — спросил Налле Лапсон. — Ты стала такая грустная!

— Ничего особенного, — соврала Лотта и попыталась улыбнуться.

— Я-то пока читать не умею, — сказал Налле Лапсон. — Но, может, ты меня научишь.

— Слушай, Налле Лапсон, — сказала Лотта, — поехали со мной к бабушке?

— Думаешь, моя мама там? — спросил Налле Лапсон.

— Не знаю, — сказала Лотта, — я просто позаботилась бы о тебе, если ты — пока ты не найдешь свою маму. Я живу у бабушки в городке под названием Лильбакка. Ездила вот погостить в Лулео к тете Карин, а теперь возвращаюсь домой к бабушке. Она такая славная и добрая, правда! И у нее есть мед!

— Я еду с тобой! С ужасно преогромным удовольствием, — сказал Налле Лапсон.

Глава шестая
**Зубной сорочкой и ночной щеткой
кто-нибудь поделится**

Поезд замедлил ход.

— Следующая станция — Лильбакка! — объявил кондуктор.

— Выходим, Налле Лапсон, — сказала Лотта. — Где твой багаж? В смысле — чемодан!

— Я еду без габажа, — смутился Налле Лапсон. — Это одни нервы — возить с собой кучу вещей, когда ты летишь, как птица.

— Надеюсь, зубную щетку и ночную сорочку ты с собой взял? — спросила Лотта.

Налле Лапсон смутился еще больше. Но набрался смелости:

— Зубной сорочкой и ночной щеткой кто-нибудь поделится. Главное — не забыть себя.

— Главное — не забыть трубу, — сказал трубач. Он как раз вышел в коридор.

— Ты тоже выходишь в Лильбакке? — спросила Лотта.

— Почему бы и нет? — ответил трубач. — Хорошая мысль! В Лильбакке я еще не бывал, а ее жителям наверняка хочется послушать духовую музыку.

— По-моему, будет здорово, если ты пойдешь с нами, — сказала Лотта. — Бабушке ты наверняка понравишься.

— Старушка любит музыку? — удивился трубач.

— Еще как! — сказала Лотта. — Особенно трубу и гармонию. Потому что слышит уже неважно.

Тут паровоз загудел, и поезд остановился.

— Надо поторапливаться, — сказала Лотта. — Ну-ка, ничего я не забыла? Чемодан, сумка в цветочек, мячик и кукла Роза.

— И я, — сказал Налле Лапсон.

Вокзал в Лильбакке был очень красивый. Красный с белыми наличниками, и в каждом втором окошке виднелась красная герань, а в каждом первом — белая. Тут же стоял начальник станции и отдавал честь. Он был в красной фуражке и белых перчатках и любезно встречал всех сходящих с поезда.

— Здравствуйте, здравствуйте, фру Петтерсон, с возвращением! Добрый день, господин Стрём, как съездили? А вот и маленькая Лотта, ну, здравствуй, что, опять на севере гостила, в Норланде? Ой, а кто это с тобой?

— Налле Лапсон, — сказал Налле Лапсон и поклонился.

— Станс, — представился начальник станции и снова поднес руку к фуражке.

— Это мой старый друг, — объяснила начальнику Лотта, — а это мой другой друг. И он трубач.

— Верно, — сказал трубач и, поднеся трубу к губам, выдул такие звучные фанфары, что конь по имени Август шархнулся с дороги вместе с коляской господина Стрёма.

Паровоз дал нетерпеливый гудок, машинист высунулся в окно.

— Почему не отправляемся? — крикнул он начальнику станции.

— Еще минутка, — сказал начальник. — Сегодня отправление в 15.19. 15.18 — это вчера было. А завтра будет в 15.20.

— Забавно, — сказал трубач. — А станционные часы показывают двенадцать!

— Очень верное наблюдение, — сказал начальник станции. — Они отстают на три часа восемнадцать минут. А через минуту отстанут на три часа девятнадцать минут. Это одни из самых удивительных часов во всей Северной Европе.

Налле Лапсону все это очень нравилось. — У нас в лесу таких интересных штук не увидишь, — шепнул он Лотте.

— Ты не сможешь мне с вещами? — спросила Лотта. — Возьми сумку и мяч, а я понесу чемодан и Розу.

— А я пойду с вами и буду играть на трубе, — сказал трубач и пошевелил ушами.

Глава седьмая
**Запрещается разгуливать по городу
с живыми медведями**

Никогда еще Лильбакка не видела такой торжественной процессии. Впереди шагал трубач и время от времени выдувал громовые фанфары, за ним шла

Лотта с чемоданом и куклой, а последним — Налле Лапсон с мячом и сумкой в цветочек, ему было нелегко идти в лапу с остальными, но он очень старался.

Само собой, эта троица вызвала в городке изрядный переполох. Прохожие смотрели на нее с ужасом и изумлением, в домах распахивались окна, и оттуда высовывались головы. Некоторые из голов испуганно всовывались обратно.

— Что это — может, цирк приехал? — шепнул карамельщик Карлсон почтальону Персону.

— Девочка-то наша, Лотта с Речной улицы, — сказал почтальон. — Чудно!

Посреди площади стоял полицейский Касклунд.

В городке не случилось никаких правонарушений с самого прошлого января, когда сапожников мальчишка выехал на финских санках на встречную полосу Центральной улицы, — но сейчас порядок явно нарушался. Полицейский Касклунд протер глаза, высморкался в большой красный платок, принял самый суровый вид, какой

только смог, и вскинул ручищу перед носом трубача.

— Именем закона — стоять! — рявкнул он.

Трубач вывел особенно затейливую трель и замер по стойке смирно.

— Запрещается играть на трубе на городских улицах, площадях и в прилегающих зданиях и сооружениях, — сообщил полицейский.

— Где же тогда на ней играть? — удивился трубач.

Полицейский Касклунд почесал затылок. Вопрос оказался непростой.

— Хм, — сказал он. — Можно играть на чем-нибудь другом.

— На нервах, например, — сказала Лотта.

Тут полицейский Касклунд снова посу- ровел.

— Кроме того, запрещается разгуливать по городу с живыми медведями. — И он грозно указал на Налле Лапсона.

— Он мой старый друг, — сказала Лотта, — а с друзьями я имею право гулять, даже если они медведи.

— Он выглядит возмутительно, — сказал полицейский Касклунд. — Как из леса.

— Я правда из леса, — радостно признался Налле Лапсон. — Меня зовут Налле Лапсон. — И он протянул лапу полицейскому Касклунду, который испуганно попятился.

— Если кто тут и выглядит возмутительно, — сказал трубач, — так это скорее господин Касклунд, чем господин Лапсон. — Ладно, мы пошли к бабушке, — сказала Лотта.

Полицейский Касклунд совершенно растерялся и не знал, что ответить. И когда Лотта, Налле Лапсон и трубач свернули в сторону Речной улицы, он вынул свой красный платок и оглушительно высморкался.

Глава восьмая

А можно ему дать дедушкину ночную сорочку?

У Лоттиной бабушки был самый хорошенький домик на всей Речной улице. Белый, с зелеными наличниками, одноэтажный, зато с чердаком. Внутри имелось четыре комнаты, а еще, само собой, кухня и ванная.

— У твоей бабушки так уютно, — сказал трубач.

— Внутри там еще уютнее, — сказала Лотта. — У нас там и кресло-качалка есть, и музыкальная шкатулка, и лосиные рога, и морозильник, чтобы делать мороженое. — И мед в кладовке — судя по тому, что мне довелось услышать, — сказал Налле Лапсон.

— Есть, — сказала Лотта, — и еще кое-что, с чем тебе предстоит познакомиться ближе к вечеру.

— Интересно, о чем это она, — рассмеялся трубач и повернулся к Налле Лапсону.

Бабушка встречала их в дверях.

— С приездом, с приездом, милая моя Лотточка, — воскликнула она. — Как я рада, что ты снова дома! — И она закружила Лотту в танце. — А с кем это ты приехала? — спросила она, танцуя. — Это мои лучшие друзья, я их встретила в поезде, — с восторгом воскликнула Лотта. — Это трубач, а вот это — Налле Лапсон.

— С приездом, Налле Лапсон, — сказала бабушка и закружила в танце трубача.

— Но Налле Лапсон — это же я! — Налле Лапсон протянул обе лапы к бабушке.

— Что за чудесный медведь! — воскликнула бабушка, закружила Налле Лапсона в танце, а трубач подыграл им веселую мелодию.

Так здорово Налле Лапсону еще не было практически никогда.

— Оставайтесь оба у нас, — предложила бабушка, — тут есть и кровати, и матрасы, и одеял на всех хватит, и еды тоже.

— Говорят, в Лильбакке вкусный мед, — заметил Налле Лапсон. — Я немало о нем наслышан.

— Что касается меня, — сказал трубач, — то спасибо за любезное приглашение, но я бы поселился в гостинице. Но если мне позволят разок-другой заглянуть в гости, то милости прошу — то есть это было бы очень мило!

— А что касается меня... — начал Налле Лапсон.

— То он поселится в маленькой комнате, — закончила Лотта. — Можно, бабушка? Он такой славный и милый!

— Боже мой, — сказала бабушка, — конечно, можно. Он может спать на желтой тахте.

— А можно ему дать дедушкину ночную сорочку? — тотчас спросила Лотта.

— Боже мой, — снова сказала бабушка. — Конечно, можно! У меня от дедушки осталось тридцать восемь ночных сорочек, и будет просто отлично, если кто-нибудь ими снова воспользуется. Я уж на такое и надеяться забыла!

Глава девятая

Куда подевался остальной лось?

Ну и ужин устроила бабушка! Булочки с молоком, фрикадельки с брусничным вареньем и кисель с сухариками. А Налле Лапсон получил целую банку меда в полное свое распоряжение. И занялся им так усердно, что несколько раз застревал мордой в банке, так что Лотте и трубачу приходилось его вытаскивать.

— Ешь прилично, Налле Лапсон, — сказала Лотта. — Имей в виду, мы теперь у бабушки, а тут полагается есть прилично. Разве тебе понравится, если бабушка застрянет носом в стакане с молоком? Или трубач макнет трубу в кисель?

Тут все засмеялись.

— Понимаете, я просто не привык к таким маленьким банкам, — сказал Налле Лапсон. — Собственно, я вообще к банкам не привык. Так что уж простите Налле Лапсона!

После ужина трубач засобирался в гостиницу, а бабушка и Лотта решили его проводить, а то вдруг заблудится. — Но тебе, Налле Лапсон, лучше остаться дома, — сказала Лотта. — У тебя выдался тяжелый день, так что иди-ка ложись. К тому же тебе еще и года нет.

Налле Лапсона это немного задело, но спорить он не стал. А тут и бабушка принесла одну из дедушкиных ночных сорочек. Налле Лапсон сперва надел ее задом наперед, потом переделался, после чего улегся на желтую тахту, и сверху его укрыли одеялом. — Спокойной ночи, спокойной ночи, добрых снов, — пожелали ему бабушка, Лотта и трубач. И ушли.

Налле Лапсон лежал и шурился в потолок. Заснуть так рано просто невозможно. Спать не хотелось ни капельки. Да и бабушкин дом не помешало бы осмотреть — спокойно, пока никого нет.

Недолго думая Налле Лапсон слез с желтой тахты. Он отправился в гостиную и с восхищением уставился на большие лосиные рога, висевшие над дверью.

«Куда подевался остальной лось?» — задумался Налле Лапсон. Он вышел и проверил с другой стороны двери, но никакого лося там не было. Очень странно.

Качалка, о которой говорила Лотта, стояла в углу комнаты. Налле Лапсон забрался в нее и стал раскачиваться. Это было так весело, что он хохотал во весь голос. Пока качалка не перекувырнулась вместе с Налле Лапсоном.

Самое печальное, что кувыркнулся он на стол, на котором стояла ваза — вернее, больше уже не стояла. Потому что разлетелась на тысячу — не на тысячу, но на девятьсот осколков точно.

— Это возмутительно, — сказал Налле Лапсон. — Что же теперь делать?

И не придумал ничего лучше, как сгрести все осколки под шкаф. Потом поставил на место стол и качалку: теперь никто не найдет никаких следов аварии.

Вздохнув, Налле Лапсон отправился дальше по дому.

Он вошел в ванную.

Глава десятая
**Налле Лапсон никогда больше
не будет купаться**

Вот где было интереснее всего!

Налле Лапсон повернул краны, и потекла вода. Скоро ванна наполнилась до краев.

— Почему бы не искупаться? — спросил себя Налле Лапсон.

Он снял ночную сорочку и осторожно залез в ванну — сперва одна лапа, потом другая. И совсем не холодно, просто замечательно! И он опустил в ванну целиком (без головы, разумеется). Вода хлынула через край прямо на пол. Тут Налле Лапсон обнаружил душ, и вот уж тут пошло веселье так веселье! Налле Лапсон поливал себя из душа что было силы, и вода из ванной растеклась ручьями по всему бабушкиному дому.

— НАЛЛЕ ЛАПСОН!

Голос был Лотты.

— ЧТО это ты тут устроил?

Лотта стояла в дверях ванной босиком, сняв туфли и чулки. А Налле Лапсон все блаженствовал под душем.

— Фу, какой нехороший медведь! Погляди, что ты наделал!

Налле Лапсон склонил голову набок.

— Сейчас же выключи душ, Налле Лапсон!

Налле Лапсон даже представить себе не мог, какой потоп он, оказывается, устроил. И вид у него сделался очень грустный.

— На́ тебе полотенце, — сказала Лотта. — Сперва сам вытрись, а потом поможешь мне вытереть пол.

— Кто же знал, что пол намокнет оттого, что ты просто пошел искупаться, — сказал Налле Лапсон.

— А ЭТО ЕЩЕ ЧТО?

Вытирая пол в гостиной, Лотта наткнулась на девятьсот острых осколков под шкафом.

— Даже и не знаю. — Налле Лапсон отвернулся. — Это качалка перевыкувырнулась...

— Фу, как стыдно, Налле Лапсон! — сказала Лотта.

— Боже мой, да ничего страшного, — сказала бабушка. — Это была недорогая ваза. Между прочим, не так-то легко быть медведем в таком маленьком помещении, где вечно что-нибудь стоит у тебя на дороге.

Рано утром в дверь бабушкиной спальни осторожно постучали.

— Войдите! — сказала бабушка.

Налле Лапсон вошел в спальню.

— Что такое! — воскликнула бабушка. — Что это ты поднялся в такую рань?

— Я хотел бы попросить огромное прощение за вчера, — сказал Налле Лапсон. — Налле Лапсон больше никогда не будет купаться. И еще я хотел бы попросить

разрешения преподнести тебе эти цветы... — И он протянул бабушке великолепный букет.

— Боже мой, какая красота! — сказала бабушка. — Откуда такая прелесть?

— Сам собрал, — сказал Налле Лапсон.

— Где это? — насторожилась бабушка.

— На площади! — ответил Налле Лапсон. — На большой цветочной клубумбе!

Глава одиннадцатая
Я пришел арестовать медведя

Тут в дверь постучали.

Потом стали колотить, барабанить и дубасить.

— Кто это так рано? — удивилась бабушка. — И так громко?

— Я открою, бабушка! — крикнула Лотта из своей комнаты.

Накинув халат, она выбежала на цыпочках в переднюю.

— Откройте! — кричали снаружи. — Именем закона — откройте!

Это был полицейский Касклунд — весь красный, как его носовой платок. — Доброе утро, — поздоровалась Лотта и сделала книксен.

— Я пришел арестовать медведя, — заявил полицейский Касклунд.

— Потому что он возмутительный? — спросила Лотта.

— Потому что он украл цветы, — сказал полицейский Касклунд. — Прямо с нарядной клумбы на площади.

Карамельщик Карлсон все видел в окно. Это крупнейший скандал в истории города. И теперь медведя надо арестовать. Где он?

— Вот он я, — сказал Налле Лапсон, выходя из бабушкиной комнаты.

— Следуй за мной, — приказал полицейский Касклунд. — В полицейский участок. Именем закона.

— А что мы будем там делать? — удивился Налле Лапсон. — Мед у вас в участке хотя бы есть? Именем закона!

— Ты арестован за то, что воровал цветы на городских улицах, площадях и в прилегающих зданиях и сооружениях.

— Пожалуйста, господин полицейский, отпустите его! — взмолилась Лотта. — Он же не знал, что цветы в городе рвать нельзя! Понимаете, он родом из сельской местности. А там можно собирать цветы сколько душе угодно.

— Это не предмет обсуждения, — сказал полицейский Касклунд. — Данный медведь — нарушитель правил на городских улицах, площадях и в прилегающих зданиях и сооружениях.

— Это не привет от суждения, — сказал Налле Лапсон. — Я следую за ним. Но скоро вернусь.

— Это вряд ли, — сказал полицейский Касклунд.

— Да ну! — сказала Лотта. — Его же скоро отпустят, правда, дяденька полицейский? После обеда или ближе к вечеру? — Это милейший медведь на свете! — крикнула бабушка из своей комнаты. — Это вор, — сказал полицейский Касклунд, — и нарушитель. И теперь его ждет арест. Ладно, пошли! Прощайте! — Не волнуйтесь за меня! — крикнул Налле Лапсон. — Разберемся!

И полицейский с Налле Лапсоном зашагали прочь по Речной улице.

— Сегодня прекрасная погода, — заметил Налле Лапсон.

— Ты идешь не в ногу, — сказал полицейский Касклунд.

— Это господин полиолицейский идет не в лапу, — сказал Налле Лапсон. — Но погода сегодня просто прекрасная.

— Небось невесело сесть под замок таким хорошим весенним днем, — покачал головой полицейский Касклунд.

— Да, обидно, — согласился Налле Лапсон.

— В кутузке темно и тесно, — сказал полицейский Касклунд.

— А что такое кутузка? — спросил Налле Лапсон.

— А это куда тебя запрут, — сказал полицейский Касклунд. — А вот и участок.

Полицейский участок располагался в белом домике на площади, по соседству с карамельной лавкой и наискось от гостиницы.

— Заходим, — сурово приказал полицейский Касклунд.

Они зашли в комнатку с письменным столом, телефоном и сейфом.

— Это кутузка? — спросил Налле Лапсон.

— Еще чего, — сказал полицейский Касклунд. — Это мой кабинет. Пошли!

Полицейский Касклунд взял ржавый ключ и отпер им дверь в углу.

Как же там было тесно и темно!

— Не мог бы господин Какасклунд поднять шторы? — попросил Налле Лапсон.

— Глупости, — сказал полицейский Касклунд. — Тут нет никаких штор! Тут и окон нет! Только глазок.

— Бабушкин дом гораздо уютнее, чем твой, — сказал Налле Лапсон. — Ой,

смотри, какая оса здоровенная по ключу ползет!

— ПОМОГИТЕ! — крикнул полицейский Касклунд и выронил ключ. Налле Лапсон тотчас его подхватил, и прежде, чем полицейский успел сообразить, что происходит, он оказался заперт в кутузке.

Вместо Налле Лапсона!

А Налле Лапсон провернул как следует ключ в замке и громко крикнул:

— Счастливо оставаться в кутузке!

Глава двенадцатая

Говорит участковый Лапсон

Налле Лапсон пошел в кабинет полицейского Касклунда и уселся за стол.

На столе имелись: подкладка для письма, чернильница, несколько стопок бумаг и толстый свод законов. А еще пакет карамелек.

Налле Лапсон попробовал одну карамельку. Недурно!

Ай! — тут опрокинулась чернильница, и немаленький синий ручей устремился со стола на пол.

А это что за штука?

Налле Лапсон поднял телефонную трубку. Внимательно осмотрел.

Странное дело: внутри ее кто-то разговаривал.

— Тут кто-то что-то сказал? — сказал Налле Лапсон, прижав трубку к уху.

— Лильбакка, — сказала трубка. — Лильбакка, Лильбакка.

Вот ужас, подумал Налле Лапсон. Неужели кого-то засунули в эту штуковину?

— Это Налле Лапсон, — произнес Налле Лапсон как можно отчетливее. — Что вам нужно?

— С кем вас соединить? — спросили из трубки.

— А вы кто? — спросил Налле Лапсон.

— Телефонная станция, — ответили из трубки.

— А это полицейский участок, — сказал Налле Лапсон. — Тоже красиво. В смысле — звучит не хуже.

— Это участковый Касклунд? — спросили из трубки.

— Нет, он... он занят, — сказал Налле Лапсон. — Говорит участковый Лапсон. И я бы хотел меда.

— Соединяю с бакалеей Андерсона, — сказал голос в трубке.

Потом раздалось жужжание, и другой голос произнес:

— Бакалейный магазин Андерсона на проводе.

Как странно, подумал Налле Лапсон. Теперь в этой коробочке сидит кто-то другой.

— Алло! — сказал новый голос. — Алло! Алло!

— Алло! — ответил Налле Лапсон. — Сегодня прекрасная погода!

— Что вам угодно? — спросили из трубки.

— Неплохо бы баночку меда, — сказал Налле Лапсон.

— Куда доставить? — спросил бакалейный магазин Андерсона.

— В полицейский участок, — сказал Налле Лапсон. — А говорит участковый Лапсон. Кстати, лучше пришлите сразу десять банок.

— А Касклунд, что ли, уволился? — поинтересовались из трубки.

— Не совсем, — ответил Налле Лапсон. — Но он в отпуске. Я тут подумал, что лучше бы прислать восемь банок. Восемь ведь больше десяти.

— В каком смысле? — удивились в трубке.
— Сперва я попросил десять банок, — сказал Налле Лапсон. — А потом попросил восемь.

— Всего получается восемнадцать, — ответил бакалейный магазин.

— Правильно! — сказал Налле Лапсон. — Тогда у меня больше других пожеланий нет.

— Доставим прямо сейчас, — пообещал бакалейный голос.

— Какая полезная вещь, — сказал сам себе Налле Лапсон.

Тем временем полицейский Касклунд что есть мочи барабанил в дверь кутузки.

— Открой! — вопил он. — Открывай, медвежья морда!

— Это не привет от суждения, — сказал Налле Лапсон. — Именем закона: это не привет от суждения!

Глава тринадцатая
Два, семнадцать, тридцать
девять, двадцать десять, тысяча,
восемнадцать

Каска полицейского Касклунда висела на крючке в углу его кабинета. Налле Лапсон примерил ее: каска пришлась ему в самый раз.

— Пока мед привезут, пройдуь-ка я по городу. И вот ту саблю тоже прихвачу.

Тут раздался звон. Довольно-таки громкий.

Налле Лапсон вздрогнул. Откуда бы это?

Звук повторился.

— Что вам нужно? — рявкнул Налле Лапсон.

Снова звон. Тут Налле Лапсон наконец сообразил, что звук идет от странной штуковины. Он поднял трубку, и оттуда донесся очередной незнакомый голос.

— Алло, алло, — сказал голос. — Это полицейский участок?

- Совершенно верно, — сказал Налле Лапсон. — А говорит, как я понимаю, телефонная станция.
- Нет, это гостиница, — ответил голос. — Сегодня в шесть утра нас разбудил мужчина — он играл на трубе. Это полнейшее безобразие.
- Это красиво, когда играют на трубе, — возразил Налле Лапсон.
- Но не в шесть утра, — сказал телефонный голос. — Так что мы просим, чтобы приехала полиция и задержала этого трубача.
- Полиция сегодня очень занята, — ответил Налле Лапсон как можно более утомленным голосом. — К тому же у нас картузка забыта.
- Картузка забыта? — удивился голос.
- В смысле, кутузка забита, — объяснил Налле Лапсон. — Но я загляну в течение дня. Меда там у вас не найдется?
- Сколько угодно, лишь бы нас от трубача избавили!

Едва Налле Лапсон положил трубку, как явился посыльный из бакалеи Андерсона и выставил на стол восемнадцать банок меда.

— Прошу вас, — сказал посыльный, вернее, сказала, потому что это была девочка-посыльная, и сделала книксен — очень робко, поскольку прежде не встречала медведей-полицейских.

— Это правильно, — сказал Налле Лапсон. — В смысле, ровно восемнадцать банок, как и заказано.

— Прошу вас, пересчитайте сами, — сказала девочка и снова сделала книксен.

— Хм, так-так, — сказал Налле Лапсон. — Ну-ка посмотрим, два, семнадцать,

тридцать девять, двадцать десять, тысяча, восемнадцать — да, похоже, все точно.

— Выпустите меня! — заорал из кутузки полицейский Касклунд и забарабанил в дверь. — Именем закона — откройте!

— Кто это? — спросила посыльная Андерсона, и вид у нее стал еще испуганней.

— Обычный арестант. Мы тут с утра его задержали, — сказал Налле Лапсон. — Пусть посидит годик-другой.

— Оплачивать мед наличными будете? — спросила девочка.

— Наличниками? — переспросил Налле Лапсон.

— Дяденька прямо сейчас заплатит за мед?

— Заплатит? — удивился Налле Лапсон.

— Или отпустить в долг? — спросила девочка.

— Куда-куда опустить, фрекен? — переспросил Налле Лапсон.

— В долг, — повторила девочка. — Отпустить в долг, записать на счет участка.

— Надолго — это хорошо! — сказал Налле Лапсон. — Запишите на счетах и отпустите мед надолго!

Глава четырнадцатая

Видишь ли, я забыл очки

В полицейской каске и с саблей в лапе Налле Лапсон отправился на площадь.

Светило солнце, чирикали воробьи, и цветов на большой клумбе оставалось еще приличное количество.

Тут на площадь выбежала пожилая дама в шляпе, украшенной птичьим гнездом.

— Участковый Касклунд, — пронзительно закричала она, — господин участковый, вы ведь уже задержали гадкого медведя, который рвал цветы... и и-и-ииии!

Да, именно так она и закричала — «и-и-ииии!», — когда обнаружила, что обращается не к полицейскому Касклунду, а к полицейскому-медведю. И шарахнулась прочь, да так, что обронила шляпу с гнездом, а семейство Юхансон (воробей, его жена и трое птенцов) недолго думая перебралось в новое жилье.

А Налле Лапсон только рассмеялся про себя и направился дальше в гостиницу.

В холле гостиницы сидел толстый швейцар. Когда Налле Лапсон входил, швейцар как раз зевнул, но, завидев медведя в полицейской каске, до того напугался, что так и застыл с разинутым ртом.

— Здравсте, — сказал Налле Лапсон. — Это ведь с вами мы говорили по тилимилифону?

Швейцар только молчал разинув рот. — Насчет трубача, который трубубит всякую красивую музыку, — пояснил Налле Лапсон.

Тут швейцарские челюсти захлопнулись со щелчком.

— Да-да, — заверил швейцар, дрожа как осиновый лист (довольно-таки крупный). — Играет он, конечно, страсть как красиво, но, видите ли, он беспокоит наших гостей...

— А их у вас много? — спросил Налле Лапсон.

— Гм, ну, э-э-э, как раз сейчас их не так чтобы много, — ответил швейцар. — Как раз сейчас в некотором смысле их у нас один трубач, так сказать, потом еще я тут

живу да фрекен Софи, что на кухне. Но если бы в гостинице были другие гости, то они бы, то есть, обеспокоились, а пока пусть он, если хочет, играет себе хоть сутками напролет...

Трубач как раз спускался по лестнице. — Как приятно это слышать от господина швейцара, — обрадовался он.

И тут увидел Налле Лапсона. — Нет, ну надо же, Налле Лапсон! — воскликнул трубач, обрадовавшись еще больше. — Ты теперь, что ли, полицейский? — Точно так, — сказал Налле Лапсон. — И это тоже приятно слышать! — сказал трубач. — А у вас в городке весело! Я как раз шел повесить объявление на дверях. — Что за объявление? — удивился Налле Лапсон.

— Пожалуйста. — Трубач протянул листок: — Вот, погляди!

Налле Лапсон страшно смутился и отвел глаза.

— Видишь ли, я забыл очки, — сказал он. — Такая досада!

— Ну так я сам тебе скажу, что тут написано, — сказал трубач. — В общем, вот что:

ИГРА НА ТРУБЕ

**Занятия с опытным трубачом
Расценки: 2 кроны за полчаса,
1 крона за час**

Пойду повешу.

— Странное дело, — удивился швейцар. —

Час выходит у вас дешевле, чем полчаса.

— Ничего странного, — ответил трубач. —

Ведь играть на трубе — это удовольствие!

Глава пятнадцатая
Это Налле Лапсон, я лигурирую
транспарантом!

— Раз ты полицейский, то ты ведь и транспорт регулируешь? — поинтересовался трубач у Налле Лапсона.

— Я что-то слышу неважно, — сказал Налле Лапсон. — Чем я лигурирую?

— Ну, в смысле, что ты стоишь на перекрестке и делаешь водителю знак лапой, если считаешь, что машине стоит остановиться.

— Здорово, — обрадовался Налле Лапсон.

— Готов тебе помочь, — сказал трубач. — Пойдем-ка на перекресток Центральной и Новой улиц — там самое оживленное движение во всем городке.

Ну и дивился народ на Налле Лапсона! Но тот по-прежнему сохранял невозмутимый вид и помахивал туда-сюда саблей.

Вдруг прямо перед ним откуда ни возьмись выскочил маленький злобный мопс и принялся рычать и лаять одновременно.

— Эй вы! — сказал Налле Лапсон и указал на него саблей. — Запрещается вести себя возмутительным образом на городских улицах, площадях и в прилегающих зданиях и сооружениях.

Они подошли к перекрестку Новой и Центральной улиц.

— Теперь становись посреди проезжей части и регулируй движение, — сказал трубач.

— А меня не задавят? — встревожился Налле Лапсон.

— Ни в коем случае, если ты регулируешь движение правильно, — заверил трубач. — Если кто-то собрался тебя задавить, просто подними лапу!

Движение в этот день было не так чтобы напряженное. На самом деле за десять минут, что Налле Лапсон простоял на перекрестке, не появилось ни одной машины.

Но на одиннадцатой минуте это случилось: на Центральной улице показался шикарный автомобиль, а на Новой — маленькая девочка с кукольной коляской.

Налле Лапсон так перепугался, что выронил саблю. Но выставил одну лапу

перед автомобилем, а другую — перед девочкой с коляской.

Автомобиль заскрежетал и остановился.

Налле Лапсон задумался. Кого из двоих пропустить первым?

Автомобиль нетерпеливо гудел.

Налле Лапсон думал.

«Не нравится мне этот автомобиль, — решил он. — Пусть первой едет кукольная коляска».

И крикнул:

— Эй, девочка с коляской, это Налле Лапсон, я лигурирую транспарантом! Проходи, пожалуйста! Не бойся — эта противная машинища подождет!

Из автомобиля вышел дядька в темных очках.

— Безобразие! — закричал дядька. — Что за паршивый городишко? Что вам, и дорожные правила не писаны? Вы же обязаны... ойойойой... помогите, медведь! — И перепуганный дядька снова юркнул в свой автомобиль.

А девочка с коляской тем временем успела перейти улицу.

— Ага, теперь порядок, — сказал Налле Лапсон и махнул лапой автомобилю. — Пожалуйста, теперь можете проезжать. Может, трубач сыграет фанфары?

— Это можно, — сказал трубач и задудел в свою золотую трубу.

Но прежде чем тронуться с места, водитель автомобиля достал фотоаппарат и сделал снимок регулировщика Налле Лапсона.

Глава шестнадцатая

Вот это вот синее?

— Я так волнуюсь за Налле Лапсона, — сказала Лотта бабушке. — Что, если тот полицейский посадил его в тюрьму?

Что, если он сидит там один-одинешенек, плачет и хочет меду?

— Да, я тоже что-то беспокоюсь, — сказала бабушка. — Знаешь, Лотта, хорошо бы ты сама сходила в полицейский участок и поговорила с этим Карклундом или как его там.

— Я мигом, — ответила Лотта. — И тут же приведу Налле Лапсона домой, бабушка, вот увидишь. Так что на бабушкином месте я бы напекла медовых коврижек — мы их обожаем!

И Лотта вихрем помчалась в сторону полиции.

И осторожно заглянула в участок.

Первое, что она заметила, были банки с медом, выставленные в ряд на столе в кабинете у полицейского Касклунда.

— Ого, сколько меда! — сказала Лотта. — Наверняка это как-то связано с Налле Лапсоном!

Но никакого Налле Лапсона видно не было, и никого другого тоже. Лотта уже собралась уходить, когда послышались удары в дверь и сердитый крик.

— Выпустите меня! — кричал голос. — Именем закона — откройте!

Это не был голос Налле Лапсона.

— Кто там? — крикнула Лотта.

— Именем закона — это участковый Касклунд, — послышалось из-за двери. — Открывай немедленно, кому говорят!

— Но у меня нет ключа, — сказала Лотта.

Тут в участок как раз явились Налле Лапсон с трубачом. Налле Лапсон был в полицейской каске и с саблей в лапе.

— Налле Лапсон! — воскликнула Лотта и так и села в старое кресло, которое тоже имелось в кабинете. — Налле Лапсон, — повторила она. — Ты что, стал полицейским?

— Точно так, — сказал Налле Лапсон. — Полицейский Касклунд пошел в отпуск. Именем закона.

Тут трубач рассмеялся и пошевелил ушами. Но вид у Лотты был серьезный. — Налле Лапсон! — сказала она строгим голосом. — Это ты запер полицейского Касклунда?

Налле Лапсон отвел глаза.

— Отвечай, Налле Лапсон, ну-ка!

— Кого-то из нас надо было запереть, — ответил Налле Лапсон. — И я решил, что пусть лучше это будет он. Иначе я бы не смог заказать банки с медом!

— Как же ты расплатился за весь этот мед, Налле Лапсон? — спросила Лотта.

— Никак, — ответил Налле Лапсон. — Его можно было взять и отпустить. Надолго. Я решил — так будет лучше.

— А кто разлил все чернила, а, Налле Лапсон? — спросила Лотта.

— Вот это вот синее? — сказал Налле Лапсон. — Ну, оно само разлилось, оттого что я просто потрогал эту баночку.

— А кто разрешил тебе переодеться полицейским, Налле Лапсон? — спросила Лотта.

— Но ведь кому-то надо работать полицейским, когда настоящий полицейский

сидит в кутузке, — объяснил Налле Лапсон. — А то что же это будет на городских улицах, площадях и в прилегающих зданиях и сооружениях? Кто-то должен лигурировать транспарантом и всем остальным!

— Ну-ка отпирай бедного полицейского Касклунда! — велела Лотта. — Доставай ключ, Налле Лапсон!

— Не так это просто, — ответил Налле Лапсон.

— Почему? — удивилась Лотта.

— Нет у меня ключа, — вздохнул Налле Лапсон. — Я его, наверно, потерял, когда лигурировал транспарантом.

Глава семнадцатая

Не будь я сле-есарь Филе-ен!

Тем временем стук в кутузке прекратился. Его сменил храп. Полицейский Касклунд заснул.

— Ну наконец-то можно передохнуть, — сказал Налле Лапсон. — Позвольте вас пригласить на площадку меда?

— Сперва надо ключ найти, — сказала Лотта. — Или слесаря, чтобы вскрыл замок.

— Я могу позвонить по тилимилифону, — с готовностью сообщил Налле Лапсон. — Сейчас сами все услышите!

Налле Лапсон уселся за стол и приложил трубку к уху.

— Лильбакка, — отозвался голос.

Налле Лапсон довольно улыбнулся:

— Я хотел бы поговорить...

— По какому номеру? — переспросил голос.

— Тридцать девять тысяч двестисот десять, — сказал Налле Лапсон.

— Но у нас нет таких больших номеров, — ответили из трубки, причем довольно раздраженно.

— Ну, можно и поменьше, — сказал Налле Лапсон. — Может, у фрекен Лильбакки есть какие-то предложения?

— Веди себя прилично, — шикнула Лотта. — Попроси соединить со слесарем Филéном.

— Ну да, я хотел бы соединиться с лесом и филином. То есть со слесарем Фили-милéном.

Но тут трубку забрала Лотта, и в следующую минуту на другом конце провода послышался скрипучий стариковский голос слесаря Филена. Филен, он еще и слышал плохо. Сперва он подумал, что звонит начальник станции, потом — что горит карамельная лавка. В конце концов он все-таки сообразил, что кто-то сидит запертый в кутузке.

— Так чта-аа там с куту-узкой? — проскрипел Филен. — Вас там, чтаа-а ли, за-аперли?

— Нет, но там заперли не того, кого надо! — прокричала в трубку Лотта. — А ключ потерялся!

Наконец старик Филен доплелся до участка. С собой у него оказался целый

набор напильников, плоскогубцев, коловоротов и гвоздодеров, он долго чесал затылок и ковырялся в замке, но открыть так и не сумел.

— Ника-ак невозможно! — мрачно проскрипел он. — Соверше-енно невозможно-ожно, не будь я сле-есарь Филе-ен! — Попробую-ка я подобрать какой-нибудь из моих ключей! — сказала Лотта, доставая из кармана небольшую связку. На связке был ключ от бабушкиного дома, от подвала, от чердака и от зеленого комода. — Начнем с подвального ключа, — решила Лотта.

Она вставила ключ в замок, повернула — и дверь открылась как миленькая. — Ерунда-а какая-то, — возмутился старый Филен. — Как она могла откры-ыть-ся, эта две-ерь? Полная ерунди-истика, не будь я сле-есарь Филе-ен.

И ушел, сердито бурча себе под нос.

А полицейский Касклунд знай себе храпел, сидя в углу кутузки.

*

Бургомистр Лильбакки по фамилии Бург с самого детства жил у своей тетки. Теткино имя было Августа, но все величали ее не иначе как Бург-гомиссис. Год ей шел уже семьдесят шестой, а бургомистру шестидесятый, но Бургомиссис по-прежнему считала его маленьким мальчиком, заботилась о нем как могла, укладывала спать в восемь вечера и называла крошкой, пупсиком, карапузиком и другими ласковыми словечками.

В тот день за завтраком бургомистру пришла идея:

— А не проверить ли нам сегодня полицейский участок? Что скажете, тетушка? Разрешаете?

— Конечно, разрешаю, зайныка, — ответила Бургомиссис, — если только ты наденешь шерстяной шарфик в клеточку, а то сегодня что-то свежо. И ни в коем случае не покупай мороженого, если увидишь мороженщика на площади. Пока еще слишком холодно, моя деточка! Пожалуй, я схожу с тобой и прослежу, чтобы все было как надо.

— Конечно, тетушка, — ответил бургомистр, поднося ко рту ложечку с яичным желтком всмятку.

— Ай-ай-ай, поросеночек, ты же пролил яйцо на скатерть! — попрекнула его Бургомиссис.

Глава восемнадцатая
А ты уверена, что Андерсон
их так уж хорошо посчитал?

Лотта как раз оттирала чернильные пятна, когда в участок вошли бургомистр и его тетка.

— Добрый день, — сказал бургомистр. — Я просто зашел спросить, не стряслось ли чего?

— Ш-ш! — шикнула на него Бургомиссис. — Тут сидит медведь!

— Это добрый медведь, — сказала Лотта. — Кстати, позвольте вас познакомить: Налле Лапсон — бургомистр Бург. И Бургомиссис. А это трубач.

— Очень приятно, — сказал бургомистр и протянул руку Налле Лапсону.

— Смотри, малыш, он тебя укусит! — всполошилась Бургомиссис.

— А это что такое! — воскликнул бургомистр. — Полицейский Касклунд спит на посту! Так-то он исполняет свои обязанности! Эй, Касклунд, проснись!

Но Касклунд продолжал храпеть.

— Может, он проснется, если трубач сыграет побудку, — предположила Лотта.
— Прекрасная мысль! — одобрил бургомистр.

Трубач сыграл самую торжественную побудку, какую знал, и полицейский Касклунд тут же вскочил, озираясь спрсонок. Увидев бургомистра, он щелкнул каблуками и отдал честь.

— Как по-твоему, разве можно спать при исполнении? — строго спросил бургомистр.

— Я ужасно извиняюсь, — сказал полицейский Касклунд, — но дело в том, что я заснул...

— Я вижу, — ответил бургомистр, — о том и речь.

— Ну да, — продолжал полицейский Касклунд, — только дело в том, что заснул я, когда...

— Довольно, — оборвал его бургомистр, — можешь дальше не рассказывать.

— Котик все правильно говорит, — подхватила Бургомиссис. — На вашем месте, полицейский Касклунд, я сгорела бы от стыда.

— Но на нем был как раз этот паршивый медведь... — начал было полицейский Касклунд.

— Это на редкость воспитанный медведь, — поправил его бургомистр.

— Ведь это он был...

— Ладно-ладно, довольно об этом, — сказал бургомистр. — Надеюсь, что в следующий раз, когда я приду с инспекцией, ты не будешь храпеть на посту.

— Хватит, солнышко, — сказала Бургомис-
сис. — Нам пора.

— Нам тоже, — оживился Налле Лапсон
и принялся собирать свои банки с медом.

— Из какого они магазина? — шепотом
спросила Лотта.

— Вроде из балакалеи Андерсона. Их отпу-
стили оттуда. Надолго.

— Налле Лапсон, — сказала Лотта. — Ты
сейчас же пойдешь в бакалею Андерсона,
отнесешь туда все банки и попросишь про-
щения. И не покупай больше никакого меда,
пока у тебя не появятся собственные деньги.

— Столько денег у меня не будет никогда, —
вздыхнул Налле Лапсон.

— Почему же? — ответила Лотта. — В один
прекрасный день ты сам начнешь их зара-
батывать.

Налле Лапсон только помотал головой.

Когда они подошли к бакалее Андерсона,
Налле Лапсон жалобно посмотрел на Лотту
и спросил:

— Что, прямо все восемнадцать возвра-
щать?

— Да, Налле Лапсон, обязательно, — ска-
зала Лотта.

— А ты уверена, что Андерсон их так уж хорошо посчитал? — спросил Налле Лапсон. — Можно я верну только девятнадцать, а одну оставлю?

— Ты должен вернуть все банки, Налле Лапсон!

— Ладно... — вздохнул Налле Лапсон.

И поступил так, как велела ему Лотта.

Но когда они вернулись домой, бабушка напекла медовых коврижек, и они были прямо ужас какие вкусные.

Глава девятнадцатая
Я чавкаю не больше, чем бабушка

Вечером Лотта достала цветные мелки и большой альбом и нарисовала две таблички. На первой она вывела зелеными буквами:

**НАМЛЕ ЛАПСОН ОБЯЗАН:
МЫТЬСЯ ПО УТРАМ И ВЕЧЕРАМ,
БЛАГОДАРИТЬ БАБУШКУ ПОСЛЕ ЕДЫ,
ВЫТИРАТЬ ЛАПЫ, ЗАХОДЯ В ДОМ,
КЛАНЯТЬСЯ, ЗДОРОВАЯСЬ И ПРОЩАЯСЬ.**

На другом листке Лотта написала красным мелком:

**НАМЛЕ ЛАПСОН НИКОГДА НЕ ДОЛЖЕН:
УСТРАИВАТЬ НАВОДНЕНИЕ,
БРАТЬ ВЕЩИ БЕЗ СПРОСУ,
ЧАВКАТЬ, КОГДА ЕСТ МЕД,
ЗАПИРАТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ.**

— Как ты красиво пишешь, — восхитился Налле Лапсон. — Прямо загляденье!

— Эти таблички я повешу у тебя над кроватью, — объяснила Лотта.

— Это стишки? — спросил Налле Лапсон. — Мне кажется, очень похоже на куплеты из песенки.

— Надо же, — спохватилась Лотта. — Я забыла, что ты не умеешь читать. Тогда я буду тебе читать их сама, пока ты не выучишь их наизусть, потому что это все про тебя.

— Стишки про меня, — обрадовался Налле Лапсон. — Например, такой:

*Налле Лапсон так хорош —
Лучше в мире не найдешь!*

И еще такой:

*Слава стране, королю и народу,
Налле Лапсону и его меду!*

— Не совсем, — сказала Лотта. — Слушай внимательно, Налле Лапсон, сейчас я тебе прочту, что там написано.

И она зачитала ему все, что написала на обеих табличках.

— Ладно, — вздохнул Налле Лапсон и отвел глаза.

— Понимаешь, Налле Лапсон, — сказала Лотта, — мы с бабушкой тебя очень любим и поэтому хотим, чтобы ты стал хорошим, воспитанным медведем.

— Но я чавкаю не больше, чем бабушка, — сказал Налле Лапсон.

— Ну, не скажи — бывает, что и больше, — ответила Лотта.

— Ну, бывает — когда мед чавче бабушкиной каши или что она там ест, — объяснил Налле Лапсон. — Потому что мед вкуснее. Чем еда вкуснее, тем она чавче.

— Пожалуй, — согласилась Лотта.

— А теперь насчет запирать полицейских, — продолжал Налле Лапсон.

— Да уж, это нельзя ни в коем случае, — сказала Лотта.

— Тогда ты повесь, пожалуйста, такую же табличку полицейскому Касклунду, — сказал Налле Лапсон. — Что запрещается запирать медведей!

Когда вечером Налле Лапсон улегся на свою желтую тахту, Лотте показалось,

что он что-то бормочет. Чуть приоткрыв дверь, она услышала:

— Вытирать бабушку по утрам и вечерам и никогда не запирать мед. Вытирать бабушку по утрам и вечерам и никогда не запирать мед. Вытирать бабушку по утрам и вечерам...

Глава двадцатая

Налле Лапсона напечатали в газете!

— Смотри, бабушка, Налле Лапсона напечатали в газете! Налле Лапсон, гляди, тебя в газете напечатали!

Лотта опрометью (знаете, что такое опрометь? Я — нет) бросилась к бабушке, потом к Налле Лапсону. В руке у нее была газета, напечатанная на розовой бумаге аж в самом Стокгольме. На самой первой странице красовалась большая фотография Налле Лапсона в полицейской каске и с саблей в лапе.

— Слушайте, нет, вы только послушайте, — воскликнула Лотта. — Тут пишут: «**ПЕРВЫЙ В ШВЕЦИИ МЕДВЕДЬ-ПОЛИЦЕЙСКИЙ**. В тихом городке Лильбакка случилась подлинная се-ен-са-ци-я. Здесь появился медведь-полицейский. Уверенной лапой он регулирует транспортный поток на углу Центральной и Новой улиц».

— Какая большая фотография! И до чего красивая! — всплеснула руками бабушка. — Вылитый наш Налле Лапсон!

- Это он и есть, — сказала Лотта.
— Вот интересно, а полицейского Каск-
лунда запечатывали в розовую газету? —
спросил Налле Лапсон.

В день на поезде в Лильбакку обычно приезжало от силы человек десять-двенадцать. Так что, когда на другой день туда прибыл первый поезд, начальник станции господин Станс глазам своим не поверил. Из вагонов вышли сотни людей, и ни одного из них Станс не знал!

Начальник станции Станс схватился было за голову и ринулся в станционное здание принять чего-нибудь укрепляющего, — когда один из этого множества шагнул ему навстречу.

— Это Лильбакка? — спросил он.

— Ну да, вот же написано, — ответил Станс.

— Это у вас такой необыкновенный полицейский?

— Да какой он необыкновенный, — ответил Станс (не читавший розовой газеты). —

Прямо даже и не знаю, что вам сказать.

Касклунд — полицейский хороший, — а что необыкновенный... Да нет, какой он необыкновенный? Обыкновенный полицейский.

— А другие полицейские у вас есть? — спросил второй пассажир.

— Зачем нам другие? — удивился Станс. — Преступников тут нет.

— А можно посмотреть на вашего полицейского? — спросил второй пассажир.

— Конечно, — заверил его Станс. — Он сейчас на площади. Это прямо по улице!

Все тотчас устремились в город.

А Станс покачал головой. И тут к нему

подбежал дежурный. Он пыхтел и задыхался.

— Ох, начальник, — выпалил он. — Только что позвонили из Стокгольма, сюда направлен дополнительный поезд с пятьюстами пассажирами.

И тут Станс свалился в обморок.

А полицейский Касклунд выставил из участка на улицу старое кресло и теперь блаженствовал в нем, греясь на солнышке: все-таки быть участковым в Лильбакке не так уж и плохо.

— Нынче у нас тихо и спокойно. Вон карамельщик Карлсон идет.

И полицейский Касклунд кивнул.

— Разрешите угостить вас карамелькой? — спросил карамельщик Карлсон.

И ему, конечно, разрешили. Полицейский Касклунд был большой любитель карамелек.

Доев карамельку, полицейский Касклунд снова кивнул и задремал в своем кресле.

Проснулся он от страшного шума, и гама, и гомона, и гвалта. Он открыл

глаза и увидел, что вся площадь, вся его тихая спокойная площадь запружена народом.

Тут подъехали три больших автобуса и остановились прямо перед гостиницей.

Из автобусов вышла сотня дородных дам. Все они состояли в местном обществе охраны животных и прибыли в Лильбакку выяснить, не жмет ли медведю-полицейскому его форма.

Глава двадцать первая
Уважаемые жители
и гости нашего города!

— Именем закона! — закричал полицейский Касклунд и, вскочив с кресла, ринулся в участок и заперся изнутри. Он решил, что это массовые беспорядки, революция или еще что похуже.

Люди на площади были рассержены и обозлены.

— Этот полицейский никакой не медведь, — говорили они друг другу.

Какой неслыханный обман! Вот так бессовестно заманить в город столько народу!

— Где бургомистр? С него надо спросить! — грозно звучало в толпе.

А потом кто-то отправился в гостиницу, попросил соединить со Стокгольмом (срочно!) и поговорил с редактором розовой газеты:

— И можете не сомневаться, что больше ни один из нас никогда не купит вашу газету!

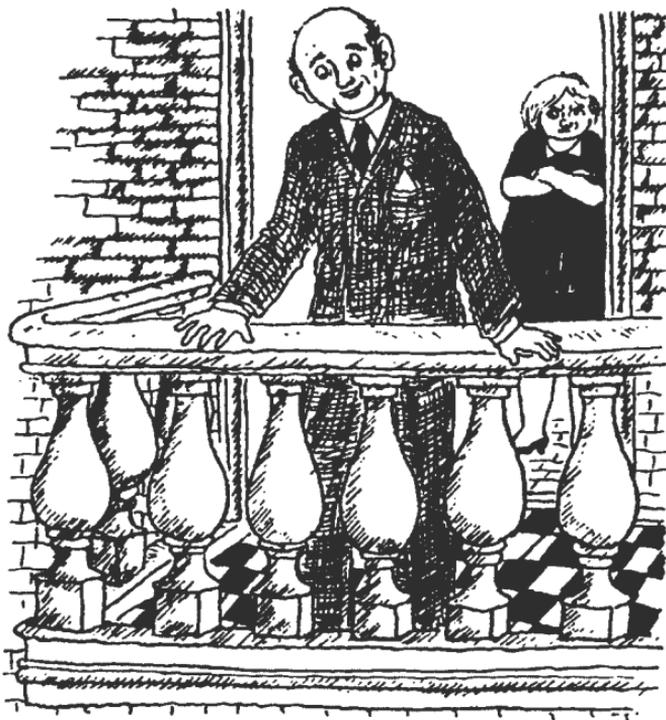
Редактор расстроился. Он заверил, что фотография в газете подлинная. Но обещал разобраться.

Он попросил соединить с Лильбаккой (срочно!) и дать ему бургомистра, которого ему со временем и дали. В результате беседы стороны договорились, что Налле Лапсона в тот же день снова назначат полицейским, а редактор сам будет платить медведю полицейское жалованье. В рекламных целях.

Народа на площади собиралось все больше и больше, атмосфера накалялась. Наконец бургомистр вышел на балкон, чтобы обратиться к народу. Но его попросту не было слышно, пока на подмогу не пришел веселый трубач.

После торжественных фанфар площадь замерла, и бургомистр заговорил.

— Уважаемые жители и гости нашего города! — начал он. — Я всего лишь хотел сообщить, что сегодня у нашего медведя-полицейского выходной, но по настоянию общественности он приступит к своим обязанностям непосредственно после обеда. Я также

убедительно призываю вас каждый вечер читать...

— Довольно, пупсик, побереги горлышко, — сказала Бургомиссис и увела бургомистра с балкона.

Так что горожане и гости так и не узнали, что им теперь читать каждый вечер.

А бургомистр отправился в бабушкин домик на Речной улице и принес полицейскую каску и саблю для Налле Лапсона.

— Что ли я теперь опять буду полицейским? — спросил Налле Лапсон и сощурил глаза.

— Разумеется, — сказал бургомистр. — Если ты, конечно, согласен. На что все очень и очень надеются.

— Видите — я все-таки хорошо себя вел, когда был полицейским, — сказал Налле Лапсон Лотте и бабушке.

— Ты вел себя прекрасно, — заверил бургомистр. — А теперь в город прибыли тысячи людей, чтобы только тебя увидеть.

— Мне надо ловить преступников? — спросил Налле Лапсон. — Или запереть кого-нибудь в кутузку?

— Нет, просто ходи по улице, чтобы на тебя смотрели, — ответил бургомистр. — И вот пятьдесят крон — аванс в счет жалованья. Позволь тебе их вручить, Налле Лапсон!

Лотта заплясала и захлопала в ладоши.

Налле Лапсон с восторгом рассматривал бумажку в пятьдесят крон.

— Неужели настоящая? — спросил он бургомистра.

— Абсолютно, — заверил бургомистр.

— Тогда я бы хотел узнать кое-что еще, —
сказал Налле Лапсон.

— Что же? — спросил бургомистр.

— Мм... — сказал Налле Лапсон. — А бака-
лея Андерсона сегодня еще открыта?

Глава двадцать вторая

Я не то хотел сказать

- Точно такой, как в газете!
- Так это никакая не шутка!
- Вот это да!

Налле Лапсон шел по Центральной улице, стараясь сохранять невозмутимый вид. И время от времени отдавал честь либо просто поднимал лапу.

— Будьте любезны, расступитесь немножко, — просил он прохожих. — Дайте проехать транспаранту!

— А каска вам не жмет? — это вынырнула из толпы одна из дородных защитниц животных.

— Ни капельки, — ответил Налле Лапсон.

— Вот и замечательно, — обрадовалась дама. — Тогда можно спокойно возвращаться домой.

Тут рядом остановился автомобиль, непохожий на другие. Из автомобиля вышел тип с проводом. На конце провода торчала странная штукавина.

— Радио, — сообщил тип. — Мы хотели бы взять небольшое интервью. Эфир через десять секунд.

— Говорит радио Швеции, Лильбакка, — сказал другой дядька прямо в штуковину. — Передо мной — единственный в стране медведь-полицейский, знаменитый Калле Ларсон...

— Налле Лапсон, — поправил Налле Лапсон.

— Сегодня на улицах Лильбакки уйма народу, — продолжал корреспондент. — Много людей, толпы народу и отдельных лиц. Старых и молодых, уйма народу.

— Это вы уже говорили, — напомнил Налле Лапсон.

— А это уже, как вы слышите, медведь-полицейский Лапсон, — сообщил корреспондент. — Он стоит прямо передо мной, по другую сторону от микрофона.

— Так вот это — кремофон? — спросил Налле Лапсон.

Корреспондент, не отвечая, продолжал свое:

— А теперь поговорим о суровых полицейских буднях.

— Я ведь спросил, что это — кремофон? — напомнил Налле Лапсон и показал на штуку на проводе.

— Тихо, — шепотом шикнул корреспондент. И продолжил в полный голос: — Участковый Лапсон, вероятно, помнит немало забавных случаев, о которых мог бы рассказать...

Налле Лапсон молчал.

— Да ладно вам, — продолжал корреспондент. — Наверняка было какое-нибудь забавное происшествие, смешной случай... Постарайтесь припомнить...

— Пожалуй, я лучше помолчу, — ответил Налле Лапсон.

Проторчав часа два в толчее, Налле Лапсон сумел ускользнуть в бакалею Андерсона.

Где с легкой небрежностью кинул пятидесятку на прилавок.

— Меду на все, — сказал он. — Восемнадцать банок.

— Вы многовато дали, — заметил продавец. — Этого хватит больше чем на восемнадцать банок.

— Может, на целых семнадцать? — обрадовался Налле Лапсон.

— На двадцать пять, — сосчитал продавец.

— Беру, — сказал Налле Лапсон.

Он составил банки в большую сумку.

Вышел на улицу.

И призадумался.

После чего вернулся в магазин.

— Что-нибудь еще? — вежливо поинтересовался бакалейщик.

— Я не то хотел сказать, — сказал Налле Лапсон и смущенно хихикнул. — На самом деле мне нужна только одна банка

меда. Так что остальные я хотел бы вернуть. И получить деньги назад. Семнадцать крон, или сколько там выходит?

Бакалейщик удивился, — что неудивительно. Но принял назад двадцать четыре банки и выдал Налле Лапсону сорок восемь крон сдачи.

Налле Лапсон отправился домой, к бабушке и Лотте.

Поклонился и сказал:

— Позвольте вручить эти деньги вам, бабушка и Лотта. Это мое жалованье. Почти все. Возьмите их — за то, что вы такие добрые и так заботились о Налле Лапсоне!

СОБДИМ
Абонемент

Кто такой Налле Лапсон и за что его любят дети и взрослые?

Однажды мы брели вдоль рядов по шведской книжной выставке в Гетеборге и наткнулись на большой отдел букинистической книги, где провели не один час. Мы сидели в уютных креслах, пили кофе и перебирали стопки старых книг и пластинок. В какой-то момент среди них мелькнули удивительно милые обложки с иллюстрациями, на которых медвежонок с наивными добрыми глазами принимает ванну, несет огромную собаку в корзине, танцует, надев на голову ведро. Эти книжки были настолько очаровательны, что мы купили их и привезли в Москву. Мы быстро поняли, что медвежонок должен заговорить по-русски и стать всеобщим любимцем. По-шведски его звали Nalle Lufs, что буквально означает «косолапый медвежонок». Но нам не хотелось терять отсылку к его скандинавскому происхождению, поэтому мы решили назвать его Налле Лапсоном — таким образом он одновременно остается шведом и приобретает говорящую фамилию.

Создатель Налле Лапсона — Йоста Ларс Август Кнутсон (1908—1973) — шведский писатель, переводчик и радиопродюсер. В детстве он много читал, мечтал стать учителем или библиотекарем и даже выпускал для своих родителей еженедельную газету. Будучи студентом филологического факультета университета Упсалы, Йоста начал вести на университетском радио собственную программу для детей. В 1937 году он сочинил серию историй о котенке по прозвищу Бесхвостик Пелле, которые впоследствии стали классикой шведской литературы (у Пелле был прототип — реальный шведский котенок, которому крыса отгрызла хвост). Вскоре на свет появились книжки-картинки, мультфильмы, спектакли и пластинки о приключениях Пелле.

В Швеции он был популярен не меньше Тома и Джерри, появившихся несколькими годами позже, а Йоста Кнутсон называл его своим альтер эго.

Первые книги о Налле Лапсоне были опубликованы вскоре после войны, в 1949 году, а через несколько лет появились комиксы по мотивам книг. Их герой — маленький медвежонок с глазами-бусинками, который, проснувшись от зимней спячки, не нашел свою маму и отправился в путешествие. Налле Лапсона ждет множество приключений, он находит настоящих друзей — девочку Лотту и собаку по имени Тяпка, учится читать и считать, попадает в полицейский участок.

Налле Лапсон стоит в одном ряду с двумя знаменитыми литературными медведями — Винни-Пухом и Паддингтоном. Почему герой-медвежонок так популярен во все времена? Индустрия игрушек стремительно развивается и меняется, совершенствуются кукольные наряды и аксессуары, появляются говорящие роботы и новые модели машинок, но среди любимых игрушек у каждого ребенка неизменно есть плюшевый мишка, который за последние два столетия почти не изменился. В отличие от Барби и гоночных автомобилей с радиоуправлением мишка ничего не требует от ребенка. Он добрый, смешной, наивный и неуклюжий.

Книги о Налле Лапсоне неоднократно издавались с иллюстрациями разных художников. На них выросло не одно поколение, он стал популярным героем, олицетворением старых добрых времен, и взрослые шведы до сих пор вспоминают его с ностальгией, а дети — с удовольствием читают истории про него.

Книги Йосты Кнутсона переведены на десять языков, в его честь даже назвали астероид № 8534.

*Ксения Коваленко
Татьяна Кормер*

Литературно-художественное издание
для младшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря
2010 года маркируется знаком 6+

Кнутсон Йоста
Налле Лапсон

Иллюстрации: Эва Александрова-Леффертс

Перевод со шведского Екатерины Чевкиной

Редактор Сергей Петров

Дизайнер-верстальщик Николай Кормер

Корректоры Ольга Левина, Зоя Скобелкина

Главный редактор Ксения Коваленко

Генеральный директор Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»

albuscorvus.ru,

readers@albuscorvus.ru

Магазин: albuscorvus.shop

Подписано к печати 26.04.2019

Формат 84×108/32

Печать офсетная.

Тираж 3000 экз.

Заказ № 1905800

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Налле Лапсона придумал шведский писатель, переводчик и режиссер Йоста Ларс Август Кнутсон (1908—1973) в 1949 году.

Налле Лапсон — маленький медвежонок с глазами-бусинками, проснувшись от зимней спячки, не нашел свою маму и отправился в путешествие.

Медвежонка ждет множество приключений, он находит настоящих друзей — девочку Лотту и собаку Тяпку, учится читать и считать, путешествует на автомобиле. В Швеции Налле Лапсон так же знаменит, как Винни-Пух и Паддингтон.

Это первая книга, в которой медвежонок знакомится со своей подружкой Лоттой.

